

UDC 130.3

DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_3_4_65_68

ДЭВИД ЮМ

О ПАССИВНОМ ПОСЛУШАНИИ*

Аннотация: В этом очерке Юм разбирает вопрос о мере подчинения, причитающейся суверену. Исходя из общественной полезности как высшего принципа и ставя благополучие народа выше правосудия, Юм показывает ограниченность пассивного послушания как гражданской добродетели и обосновывает допустимость сопротивления как крайнего средства в чрезвычайных обстоятельствах, когда благополучие общества не может быть обеспечено другими способами. Принятие сопротивления в качестве абсолютной максимы рассматривается при этом как разрушительное для гражданского общества.

Abstract: In this essay Hume examines the measure of submission due to sovereigns. Assuming public utility as a supreme principle and setting the safety of the people above justice, Hume demonstrates the limitations of passive obedience as a civil virtue and justifies the admissibility of resistance as a last resort in extraordinary emergencies when public safety cannot be secured by other means. Taking resistance as the absolute maxim is treated meanwhile as destructive of civil society.

Ключевые слова: пассивное послушание, правосудие, тирания, право на сопротивление.

Keywords: passive obedience, justice, tyranny, right to resistance.

В предыдущем очерке (см. прим. 1) мы попытались опровергнуть спекулятивные системы политики, получившие развитие в нашей стране: как религиозную систему одной партии, так и философскую систему другой. Рассмотрим теперь *практические* следствия, выводимые каждой партией в отношении мер подчинения, причитающихся суверенам.

Поскольку принуждение к правосудию основано всецело на интересах общества, требующих взаимного воздержания от собственности на него ради сохранения мира между людьми, то очевидно, что когда отправлению правосудия сопутствуют самые пагубные последствия, эта добродетель при таких чрезвычайных и давящих обстоятельствах должна приостановиться и уступить место общественной полезности. Максима *fiat Justitia, ruat Caelum*, «пусть торжествует пра-

* Перевод сделан по источнику: Hume D. Of Passive Obedience // Hume D. *Essays Moral, Political and Literary*. – L.: Grant Richards, 1904. – P. 474-477. Перевод публикуется в авторской редакции переводчика.

восудие, хотя бы обрушилось небо», явно ложная; принося цель в жертву ради средств, она являет нам нелепое представление о подчинении долгу. Будет ли правитель города колебаться с сожжением пригородов, когда они облегчают врагу подходы к городу? Воздержится ли какой-нибудь генерал от разграбления нейтральной страны, когда нужды войны требуют этого и он не может обеспечить свою армию иначе? Так же и с долгом преданности. Здравый смысл учит нас, что когда правительство обязывает нас к послушанию только исходя из своей тяги к общественной полезности, этот долг в экстраординарных случаях, когда послушанию явно сопутствовала бы общественная разруха, всегда должен уступать место обязательству первому и изначальному: *Salus populi suprema Lex*, «благо народа – высший закон». Эта максима согласуется с чувствами человечества во все времена; и не отыщется никого, кто, читая о восстаниях против Нерона или Филиппа II, был бы настолько захвачен партийными системами, что не желал бы успеха делу и не расхваливал тех, кто его затеял. Даже наша высокая монархическая партия, несмотря на свою утонченную теорию, вынуждена в таких случаях судить, чувствовать и одобрять в согласии с остальным человечеством.

Следовательно, в чрезвычайных случаях сопротивление допускается, и для тех, кто рассуждает здраво, вопрос сводится лишь к тому, какая степень необходимости может оправдать сопротивление и сделать его законным или похвальным. И тут, должен признаться, я всегда буду склоняться на сторону тех, кто принимает узы преданности близко к сердцу и считает нарушение их последним прибежищем, в которое устремляются в отчаянных случаях, когда общественность оказывается в наивысшей опасности со стороны насилия и тирании. Ибо, вдобавок к бесчинствам гражданской войны, которые обычно сопутствуют восстаниям, очевидно, что там, где в любом народе проявляется предрасположенность к мятежу, она оказывается одной из главных причин тирании у правителей и побуждает их к многочисленным насильственным мерам, к которым они никогда бы не прибегли, если бы каждый был склонен к подчинению и послушанию. Так, *тиранубийство*, или политическое убийство, одобряемое древними максимами взамен благоговения к тиранам и узурпаторам, делало тех в десять раз более жестокими и безжалостными; и в настоящее время, в силу этого, упразднено законами наций и повсеместно осуждается как низменный и вероломный метод предания правосудию этих возмутителей общества.

Кроме того, надо принять во внимание, что, поскольку послушание при обычном течении дел является нашим долгом, то оно первым делом должно быть привито; и не может быть ничего нелепее беспокойной заботы о том, чтобы установить все случаи, при которых сопротивление позволительно. Схожим образом, хотя философ в ходе аргументации разумно признает, что без правил правосудия в случае крайней необходимости можно обойтись, как следует нам отнестись к проповеднику или казуисту, который сделал главной областью своих изысканий выявление таких случаев и насаждает их со всем пылом доказательности и красноречия? Не лучше ли было бы ему заняться привитием общей доктрины, а не выявлением частных исключений, которые мы, возможно, и сами слишком склонны применять и распространять?

Есть, однако, два довода, которые можно привести в защиту тех среди нас, кто с великим усердием продвигал максимы сопротивления, максимы, которые, следует признать, в общем и целом губительными и разрушительными для гражданского общества. *Первый* состоит в том, что их антагонисты довели доктрину послушания до столь экстравагантных высот, что исключения в чрезвычайных случаях уже не только никогда не упоминались (что, пожалуй, могло бы быть прощательным), но даже положительно исключались; стало необходимым настаивать на этих исключениях и защищать права попранной истины и свободы. *Второй* и, наверное, более сильный довод основывается на природе британской конституции и формы правления.

Нашу конституцию едва ли не отличает наделение главы государства таким превосходством и достоинством, что он, хотя и ограничен законами, некоторым образом, насколько это касается его лично, стоит над законами и не может быть ни спрошен, ни наказан за ущерб или зло, которые могут быть им причинены. Правосудию подлежат только его министры или те, кто действует от его имени; хотя перспектива личной безопасности побуждает, таким образом, государя пустить законы на самотек, такая же безопасность достигается, в сущности, и за счет наказания нижестоящих нарушителей; и в то же время избегается гражданская война, которая стала бы непременно следствием, если бы на каждом углу нападение совершалось напрямую на суверена. Но хотя конституция оказывает государю такую спасительную любезность, ее никогда невозможно разумно понять при этой максиме как предопределяющую собственную гибель или как учреждающую покорное подчинение, когда он покрывал бы своих министров, проявлял упорство в несправедливости и узурпировал всю власть государства (commonwealth). Этот случай действительно никогда явно не устанавливается в законах, так как при обычном ходе их развития они не могут дать средство исцеления от него или учредить какого-либо судью, обладающего высшим авторитетом, который мог бы покарать чрезмерности государя. Но коль скоро право без средства его защиты было бы нелепицей, в данном случае таким средством и будет чрезвычайное средство сопротивления, и применяется оно тогда, когда дело доходит до такой крайности, что конституцию можно защитить только им.

Следовательно, сопротивление в британской системе правления должно, разумеется, стать более частым, чем в других; последние проще и состоят из меньшего числа частей и движений. Там, где король является абсолютным сувереном, у него мало соблазна претворить такую чудовищную тиранию, которая могла бы справедливо вызвать восстание. Но там, где он ограничен, его безрассудная целеустремленность и без каких-либо больших пороков может ввергнуть его в эту опасную ситуацию. Часто предполагается, что именно так обстояло дело с Карлом I; и если теперь, когда вражда ушла, мы можем огласить истину, так же было и с Яковом II. Это были безвредные, а с точки зрения частного характера, возможно, и вообще хорошие люди; но так как они ошибочно поняли природу нашей конституции и захватили всю законодательную власть, возникла необходимость пылко противостоять им и даже формально лишить последнего этой власти, которой он воспользовался с таким безрассудством и неразборчивостью.

Примечания

Этот очерк включен в Часть II «Essays» под номером XIII и во всех изданиях этого собрания, начиная с первого, воспроизводился в неизменном виде. На русский язык этот очерк ранее не переводился.

1. Имеется в виду очерк «О первоначальном договоре». См. в пер. Е.С. Лагутина: Юм Д. Соч. в 2 т. / Пер. с англ. С.И. Церетели и др.; Примеч. И.С. Нарского. – 2-е изд., дополн. и испр. – М.: Мысль, 1996. – С. 656-675. – *Прим. пер.*

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 18.08.2022 (№ 2504)

UDC 130.3

DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_3_4_68_75

ДЭВИД ЮМ

О ТРАГЕДИИ*

Аннотация: В этом очерке Юм исследует психологию эстетического опыта на примере трагедии. Отвечая на вопрос о природе удовольствия от трагического произведения, он выделяет следующие моменты: возбуждение от страстей для человека предпочтительнее бездействия и безразличия; негативные переживания катастроф при восприятии трагедии смягчаются осознанием их фиктивности и имитативности. В завершение очерка автор приводит несколько иллюстративных сравнений.

Abstract: In this essay Hume analyses the psychology of esthetic experience taking tragedy as illuminative example. In answering the question of the nature of pleasure received from tragic pieces, he highlights the following points: excitement by passions is more preferable for human mind than indolence and indifference; in perceiving tragic pieces the negative experiences of catastrophes are mitigated by consciousness of their fictive and imitative character. In conclusion the author offers some illustrative comparisons.

Ключевые слова: трагедия, эмоции, страсти, удовольствие, фикция, имитация.

Keywords: tragedy, emotions, passions, pleasure, fiction, imitation.

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии департамента социологии НИУ «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: vnik1968@yandex.ru. Наш постоянный автор и переводчик.

* Перевод сделан по источнику: Hume D. Of Tragedy // Hume D. *Essays Moral, Political and Literary*. – L.: Grant Richards, 1904. – P. 221-230. Перевод публикуется в авторской редакции переводчика.